

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Габриэль Гарсиа Маркес

Вдова Монтъель

Когда дон Хосе Монтъель умер, все, кроме его вдовы, почувствовали себя отомщенными; но потребовался не один час, чтобы люди поверили, что он умер на самом деле. И даже после того, как в душной, жаркой комнате, в закругленном и желтом, похожем на большую дыню гробу увидели на подушках и льняных простынях тело Монтъеля, многие все равно продолжали сомневаться в его смерти. Он был чисто выбрит, в белом костюме, обут в лакированные туфли, и, глядя на него, можно было подумать, что он сейчас живее, чем когда-либо прежде. Это был тот же дон Хосе Монтъель, который по воскресеньям слушал в восемь часов мессу, только вместо стека в руках у него теперь было распятие. И только тогда, когда привинтили крышку гроба и поместили его в роскошной семейной усыпальнице, весь городок поверил наконец, что дон Хосе Монтъель не притворяется мертвым.

После погребения все, кроме вдовы, продолжали удивляться только тому, что умер Хосе Монтъель естественной смертью. Люди были убеждены, что погибнуть ему суждено от пуль, выпущенных ему в спину из засады, однако жена всегда была уверена, что он, исповедавшись, тихо умрет от старости в своей постели, словно какой-нибудь современный святой. Ошиблась она разве что в деталях. Хосе Монтъель умер в гамаке в среду, в два часа пополудни, и причиной смерти явилась вспышка гнева, ему строго противопоказанного. Но супруга ожидала также, что на похороны придет весь городок и в доме не хватит места для цветов. На самом же деле пришли только члены одной с ним партии и церковные конгретации, а венки были только от муниципалитета. Его сын, со своего поста консула в Германии, и две дочери, живущие в Париже, прислали телеграммы по три страницы каждая. Чувствовалось, что писали их на почте, стоя, обычными чернилами и изорвали множество бланков, прежде чем сумели набрать слов на двадцать долларов. Приехать не обещал никто. Ночью после похорон, рыдая в подушку, на которой еще недавно покоилась голова человека, ее осчастливившего, шестидесятидвухлетняя вдова Монтъель впервые узнала, что такое отчаянье. «Закроюсь в комнате навсегда, — думала она. — Меня и так уже как будто положили в один гроб с Хосе Монтъелем. Не хочу больше знать ничего об этом мире». И в мыслях

своих она была искренна.

Эта хрупкая женщина с душой, зараженной суевериями, в двадцать лет вышедшая по воле родителей замуж за единственного претендента, которого подпустили к ней ближе, чем на десять метров, до этого никогда не вступала в прямое соприкосновение с действительностью. Через три дня после того, как из дома вынесли тело ее мужа, она, хотя и плакала не переставая, поняла, что нужно что-то делать; однако решить, по какому пути пойдет теперь ее жизнь, она не могла. Все нужно было начинать сначала.

Среди бесчисленных тайн, которые Хосе Монтьель унес с собой в могилу, оказалась и комбинация цифр, открывавшая его сейф. Решением этой проблемы занялся алькальд. Он распорядился вынести сейф в патио и поставить у стены, и двое полицейских, приставляя дула винтовок к замку, начали в замок стрелять; Все утро в спальню вдовы доносились, чередуясь с громкими приказами алькальда, глухие выстрелы. «Только этого мне не хватало, — думала она, — пять лет молить бога, чтобы стрельба прекратилась, а сейчас благодарить его за то, что стреляют у меня в доме». В тот же день, попытавшись сосредоточиться, она стала звать смерть, но ответа не услышала. Вдова уже засыпала, когда дом сотрясся от взрыва: чтобы вскрыть сейф, пришлось использовать динамит.

Вдова Монтьель вздохнула. Казалось, что октябрю с его дождями и слякотью не будет конца, и она, плавая без руля и без ветрил по сказочному, пришедшему теперь в упадок имению Хосе Монтьели, чувствовала себя потерянной. Управление имуществом взял на себя сеньор Кармайкл, дряхлый и добросовестный слуга семьи. Когда наконец вдова Монтьель набралась мужества и взглянула в лицо факту, что ее муж мертв, она вышла из спальни и занялась домом. Она убрала прочь все, что веселило глаз, надела темные чехлы на мебель и украсила висевшие на стенах портреты умершего траурными бантами. За два месяца, истекшие со дня похорон, у нее появилась привычка грызть ногти. Однажды (глаза у нее теперь теперь были все время красные и опухшие) вдова увидела, что сеньор Кармайкл, входя в дом, не закрыл зонга.

— Закройте свой зонтик, сеньор Кармайкл, — сказала она. — После всех бед, которые на нас свалились, нам еще только не хватало, чтобы вы заходили в дом с открытым зонтиком.

Сеньор Кармайкл, не закрывая, поставил зонг в угол. Он был старый негр, его черная кожа лоснилась, на нем был белый костюм, а в туфлях, чтобы они не давили не мозоли, были прорезаны ножом дырочки.

— Так скорее высохнет.

Впервые со дня смерти мужа вдова открыла окно.

— Столько бед, и ко всему еще эта зима, — прошептала она, кусая ногти. — Похоже, что дождь никогда не кончится.

— Во всяком случае, не сегодня и не завтра, — сказал управляющий. — Прошлой ночью мозоли так и не дали мне заснуть.

Вдова Монтъель не сомневалась в способности мозолей сеньора Кармайкла предсказывать атмосферные явления. Она окинула взглядом безлюдную и небольшую городскую площадь, безмолвные дома, чьи обитатели так и не открыли дверей, чтобы посмотреть на похороны Хосе Монтъеля, и почувствовала, что ногти, необозримые земли и унаследованные от мужа бессчетные обязательства, в которых ей никогда не разобраться, довели ее до последней грани отчаянья.

— Как страшен мир! — прорыдала она.

Тем, кто навещал вдову в эти дни, она давала много оснований думать, что потеряла рассудок. На самом же деле таким ясным, как теперь, разум ее не был еще никогда. Новые массовые убийства по политическим мотивам пока еще не начались, а она уже стала проводить пасмурные октябрьские утра, сидя у окна своей комнаты, жалея мертвых и думая, что, не пожелай бог отдохнуть в день седьмой, у него было бы время для того, чтобы сделать мир более совершенным.

— Ему надо было воспользоваться тем днем, тогда бы в мире не было стольких недоделок, — говорила она. — В конце концов для отдыха у него оставалась вечность.

Для нее со смертью мужа не изменилось ничего, за одним-единственным исключением: прежде, при его жизни, для мрачных мыслей у нее была причина.

В то время как вдова Монтъель чахла, снедаемая отчаяньем, сеньор Кармайкл пытался предотвратить катастрофу. Дела шли из рук вон плохо. Освободившийся теперь от страха перед Хосе Монтъелем, путем террора захватившим в округе монополию на всю торговлю, городок метил. В ожидании покупателей, которые так и не появлялись, прокисало в огромных кувшинах, нагроможденных в патио, молоко, бродил в бурдюках мед и тучнели черви, обжираясь сыром на темных полках кладовой. Хосе Монтъель, в своей усыпальнице с электрическим освещением и архангелами под мрамор, теперь получал сполна за шесть лет убийств и произвола. Никому за всю историю страны не доводилось так разбогатеть в столь короткое время. Когда в городок приехал первый алькальд, назначенный диктатурой, Хосе Монтъель был осмотрительным сторонником всех режимов, сменявшихся до этого, и проводил дни, сидя в

одних трусах у дверей своей крупорушки. Какое-то время его даже считали человеком, во-первых, везучим, а во-вторых, благочестивым, потому что он обещал во всеуслышание, если выиграт в лотерею, пожертвовать церкви большую, в человеческий рост, статую святого Иосифа, своего тезки, и две недели спустя, получив шестикратный выигрыш, выполнил свое обещание. Обутым его впервые увидели в день, когда прибыл новый алькальд, полицейский сержант, нелюдимый левша, получивший приказ ликвидировать окончательно оппозицию. Хосе Монтель начал с того, что стал его тайным осведомителем. Этот скромный коммерсант, спокойный толстяк, не вызывавший в людях ни малейших подозрений, подходил к своим политическим противникам по-разному, в зависимости от того, богатые они были или бедные. Бедных полиция расстреливала на площади. Богатым давали двадцать четыре часа на то, чтобы они покинули городок. Планируя бойню, Хосе Монтель проводил целые дни, запершись с алькальдом в своем невыносимо душном кабинете, а его супруга в это время оплакивала мертвых. Когда алькальд выходил из кабинета, она преграждала мужу путь. «Это не человек, а зверь, — говорила она. — Используй свои связи в правительстве, добейся, чтобы это чудовище перевели от нас в Другое место — ведь он не оставит в городке в живых ни одного человека». И Хосе Монтель, у которого в те дни дел и так было выше головы, отстранял ее, даже не взглянув, и говорил: «Перестань идиотничать». На самом деле заинтересован он был не столько в смерти бедняков, сколько в изгнании богачей. Этим последним алькальд дырявил пулями двери и назначал срок, в течение которого им надлежит уехать из городка, и тогда Хосе Монтель скупал у них скот и землю по цене, которую он же сам и назначал. «Не будь простофилей, — говорила ему жена. — Ты разоришься, им помогая, и, хотя только тебе они будут обязаны тем, что не умерли на чужбине от голода, благодарности от них все равно ты никогда не дождешься». И Хосе Монтель, у которого теперь не оставалось времени даже на то, чтобы улыбнуться ее наивности, отстранял жену и говорил: «Иди к себе в кухню и не приставай ко мне больше».

Так меньше чем за год была ликвидирована оппозиция, и Хосе Монтель стал самым богатым и могущественным в городке человеком. Он отправил дочерей в Париж, выхлопотал для сына должность консула в Германии и занялся окончательным упрочением своей власти. Но плодами преступившего все пределы и законы бо́и атства наслаждаться ему пришлось меньше шести лет. После того как исполнилась первая годовщина его смерти, вдова, слыша скрип лестницы, твердо знала, что скрипит та под тяжестью очередной дурной вести. Приносили их всегда

под вечер. «Опять напали разбойники, — говорили вдове. — Вчера угнали пятьдесят голов молодняка». Кусая ногти, вдова сидела неподвижно в качалке и ничего не ела — пищей ей служило отчаянье. «Я предупреждала тебя, Хосе Монтьель, — повторяла она, обращаясь к покойному, — от жителей этого городка благодарности не дождешься. Ты еще не успел остыть в своей могиле, а уже все от нас отвернулись».

В дом никто больше не приходил. Единственным человеком, которого она видела за эти бесконечные месяцы дождя, что лил и лил не переставая, был добросовестный и неутомимый сеньор Кармайкл, всегда заходивший в дом с раскрытым зонтиком. Дела не поправлялись. Сеньор Кармайкл уже написал несколько писем сыну Хосе Монтьеля. В них он намекал, что было бы как нельзя более ко времени, если бы тот приехал и взял ведение дел в свои руки; сеньор Кармайкл позволил себе даже выразить некоторое беспокойство по поводу здоровья его матери. Но ответы на эти письма были уклончивы. В конце концов сын Хосе Монтьеля откровенно признался: не возвращается он из страха, что его могут убить. Тогда сеньор Кармайкл был вынужден сообщить вдове, что она на грани полного разорения. — Не совсем так, — возразила она. — Сыра и мух мне девать некуда. И вы берите себе все, что вам может пригодиться, а мне дайте умереть спокойно.

После этого разговора ничто больше не связывало ее с внешним миром, кроме писем, которые она отправляла дочерям в конце каждого месяца. «На этом городке лежит проклятие, — убежденно писала им она. — Не возвращайтесь сюда никогда, а обо мне не беспокойтесь: чтобы быть счастливой, мне достаточно знать, что вы счастливы». Дочери отвечали ей по очереди. Их письма были всегда веселые, и чувствовалось, что писали их в теплых и светлых помещениях и что каждая из девушек, когда, задумавшись о чем-нибудь, останавливается, видит себя отраженной во многих зеркалах. Дочери тоже не хотели возвращаться. «Здесь цивилизация, — писали они. — А там, у вас, условия для жизни неблагоприятные. Невозможно жить в дикой стране, где людей убивают из-за политики». На душе у вдовы, когда она читала эти письма, становилось легче, и после каждой фазы она одобрительно кивала головой.

Как— то раз дочери написали ей о мясных лавках Парижа. Они рассказывали о том, как режут розовых свиней и вешают туши у входа в лавку, украсив их венками и гирляндами из цветов. В конце почерком, не похожим на почерк дочерей, было приписано: «И представь себе, самую большую и красивую гвоздику свинье засовывают в зад». Прочитав эту фразу, вдова Монтьель улыбнулась, впервые за два юда. Не гася в доме

свет, она поднялась к себе в спальню и, прежде чем лечь, повернула электрический вентилятор к стене. Потом, достав из тумбочки около кровати ножницы, рулончик липкого пластыря и четки, она заклеила себе воспалившийся от обкусыванья большой палец на правой руке. После этого она начала молиться, но уже на второй молитве переложила четки в левую руку, через пластырь зерна плохо прощупывались. Откуда-то издалека донеслись раскаты грома. Вдова заснула, уронив голову на грудь. Рука, которая держала четки, сползла по бедру вниз, и тогда она увидела сидящую в патио Великую Маму; на коленях у нее была растелена белая простыня и лежал гребень -она давила вшей ногтями больших пальцев. Вдова Монтъель спросила ее:

— Когда я умру?

Великая Мама подняла голову.

— Когда у тебя начнет неметь рука.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)